

DOI: 10.15290/bb.2019.11.24

Исследование о поэтических жанрах в русской литературе на рубеже XX–XXI вв. У.Ю. Вериной и стихи Яна Чиквина 1970-х годов

У. Ю. Верина, *Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв.*, Минск 2018, 307 с.

Наша литературная общественность сегодня вправе высказать чувство удовлетворения в связи с изданием в БГУ новой книги, которая осмысливается как очень значимая в познании развития лирической поэзии, ее современного состояния и предвосхищения ожидаемых новаций.

Монография доцента кафедры русской литературы Ульяны Юрьевны Вериной «Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв.» чрезвычайно ценна нам прежде всего в качестве теоретической основы для уяснения многих нюансов отечественного белорусского стиховедения с учетом идейно-тематических абerraций по отношению к рассматриваемой русской. Опыт выполненного исследовательницей анализа инонациональных конкретных явлений значителен и поучителен. Книга впечатляет четкой тенденциозностью и актуальностью концепции, доказательностью последовательно выдвинутых тезисов. Вполне отвечает целевым установкам автора и структура научного сочинения. Она исчерпывающе прозрачна. Приведем здесь оглавление:

Глава 1. «Большие» и «малые» поэтические жанры в новых лиро-эпических отношениях

- 1.1 Модификации жанра лирического стихотворения
- 1.2 Композиция и жанр стихотворения в современной русской поэзии
- 1.3 Баллада и «новый эпос»
- 1.4 Жанровый потенциал «длинного» верлибра

Глава 2. Книга стихов как «старший» жанр

- 2.1 Становление феномена книги стихов в русской поэзии

2.2 Структурные особенности современной книги стихов

2.3 Книга стихов как пространство диалога: переводы, билингвы

Глава 3. Специфика неавторских сверхтекстовых единств

3.1 Проблема неавторской циклизации

3.2 Посмертные издания на рубеже XX–XXI вв.

3.3 Поэтическая антология как сверхтекстовое единство

3.4 Журнальная подборка и журнальный контекст

Как видим, У. Верина не чуждается диахронии, экскурсов в историю близкородственных белорусской и польской литератур, подчас даже за границы нового времени (например, Симеон Полоцкий), чтобы означить закономерности и диалектическую обоснованность ведущих формант поэзии новейшего этапа. Не имея в данном случае необходимости останавливаться на других многих достоинствах теоретической базы, добротных персоналиях русских поэтов, выделим главнейшую для нас надобность практического употребления наблюдений и выводов уважаемой коллеги. Обратимся к подготовленной усилиями Веринной векторности перспектив поэзии, расширению методологии обогащения наших познаний о конкретных стихотворениях (и отечественных в их числе), корректированию уже сложившихся, устойчивых положений. Здесь особенно приятно отметить, что едва выйдя из-под пера на рабочем столе У. Веринной, данный труд обильно предоставил эти благодатные возможности стать рычагом при уяснении новых истин.

В подтверждение сосредоточимся на конкретных реалиях, недавних литературных событиях родного нам белорусского локуса.

После первоначального критического рассмотрения в 2000 году стихотворения Яна Чиквина «Размова... ..сусветаў» в отношении данного произведения был предпринят иной прием. В итоге сопряжения с родственными ему неопределенностью выражения семантики оно предстало как смыслонаполненный художественно маркированный текст. Этот акт в свою очередь породил ощущение неисчерпанности заложенного потенциала, инициировал новое прочтение, теперь уже с учетом положений, очерченных У. Веринной. Разделы «Модификации жанра лирического стихотворения», «Композиция и жанр стихотворения в современной русской поэзии» стали удобной основой для нового ракурса видения «Размовы... ..сусветаў» – в качестве компонента лирического цикла.

При первой публикации на страницах «Нівы» оно очевидно было включено в последовательный ряд комплекса: «Веравызнанне» (позднее датировано автором: 3.03.1977), «Дзе прападаюць рэчы вялікіх людзей» (позднее датировано автором: 1972), «Не пішы мне, не пішы...» (позднее датировано автором: 10.XII.1976)², «Размова сусветаў (верш эксперыментальны)» (не датирован), «Элегія беластоцкая» (позднее датирована автором: 3.08.1977)³. Стихотворения объединяют, может показаться, формальные характеристики, такие, как

² Все: «Ніва» 1977, 5 чэрв., «Літ. старонка», № 221.

³ Все: «Ніва» 1977, 4 верас., «Літ. старонка», № 224.

орган печатания; время; то, что это был единственный перечень в 1977 году. Границы его создания – 1972–1977 годы – не воспринимаются сколько-нибудь знаковыми датами, поэтому предполагаем, что отправным темпоральным фрагментом, давшим жизнь и завершившим взаимосвязи, можно считать 3.08.1977–4.09.1977, т.е. время допубликационного (невидимые нам правки, коррекции) бытования «Элегії беластоцкай». Добавочным, но решающим аргументом в пользу правильности нашего предположения о цикличной природе упорядоченности является выдержанность алфавитного порядка по первой букве заглавий, даже если ими служат начальные строки. Кроме того наблюдаем инверсию в финальном заголовке «Элегія беластоцкая» только здесь, в угоду азбучной последовательности, а в последовавших публикациях произведения 1988⁴ и 2009⁵ годов автором воспроизведен классический порядок слов «Беластоцкая элегія».

Последний среди перечисленных структурообразующих показателей особо нуждается в некоторых комментариях. При первом приближении он допускает случайность или небрежность постороннего вмешательства, вызывает чувство неприятия и даже отторжения, т.к. ассоциируется с обыденностью, начетничеством, когда не принимается во внимание, нивелируется углубленная содержательность предметов современной лирики. («Выпадкова!» – таков импульсивный вердикт 27.01.2018 литератора, не понаслышке знакомого с творчеством Чиквина.) Между тем на память приходят примеры “твердой формы”, такие, как «Советская азбука» В. Маяковского, «Азбука не забавка» Р. Бородулина и др., формирующие всеобъемлющую социальную картину в сознании юного читателя. Энциклопедический порядок изложения материала, широко распространенный в Польше XVII веке, представленный в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого, издавна и значительно повышал статус этого приема изложения до уровня тропа, наделял в известной мере символичностью.

Так, на первый взгляд, подчеркнуто условная и незамысловатая очередность привносит в корпус регламентирующие «оковы», формальную устойчивость авторского цикла с размытой композиционной рамой. Здесь азбучная ортодоксальность устанавливает границы самодостаточности для единицы такого уровня эстетического обобщения, который свойственен лирике «больших форм». В ее художественной композиции происходит расширение содержания стихотворений, «эпизация» в завершенную целостность, сцепление и развитие мотивов, единение приемов.

Обратимся к конкретике содержания.

В начальном стихотворении Яна Чиквина «Веравызнанне» («Вероисповедание») отправной точкой медитаций стал переход в остраненное интеллектуально-одухотворенное бытие, которое возвышенно над озабоченностями повседневности, быта: *Як прыемна ісці па чужым горадзе без спеху, / Спраў не маючы і ніякіх клункаў...* – этим рефреном начинается каждый из четырех октав, последовательно провоцируется взгляд на все земное, привычное как бы с новоозначенной приподнятости. Лирический герой «балансирует» на грани

⁴ Я. Чыквін, *Сонечная вязь*, Олыштын, 1988, с. 18.

⁵ Я. Чыквін, *Адно жыццё: Выбранае*, Беласток 2009, с. 91.

мирораздела. Обретенное чувство двоemiрия в едином и неделимом пространстве помогает острее почувствовать несовершенство объективной реальности и безутешно-изолированного своего положения в ней:

Пазнаючы распарадак лёсаў чалавечых,
Каляндар прыліваў і адліваў шчасця,
Графік болю нараджэння, болю скону...
Гэту кнігу недапісаную я не дачытаю!

Обездоленность субъекта в этих условиях предопределена и не осознается трагически гибельной: *Як прыемна ісці... Нават не стамляе думка,/Што не ведаю, дзе буду начаваць.*

В схожих психо-эмоциональных модусах предстают «сюжеты» двух последующих «Дзе прападаюць рэчы...» и «Не пішы мне...». Создается нарастание – внутри каждого и от одного к последующему – дисгармонии в миропорядке и духовном мире субъекта. Моральные ценности девальвируются в сознании частного человека и общественного поколения:

Ды прызнаймся перад сабою:
Ці змаглі б мы паўтарыць
З апошняй сустрэчы
Хоць два апошнія сказы
Нашых бацькоў?
(«Дзе прападаюць рэчы...»)

Адзіноцтвам вы атруты...
Маладое пакаленне не ўмее ні ўміраць, ні жыць
(«Не пішы мне...»).

Здесь к концу каждого из стихотворений последовательно вызревает авторская мысль о том, что сложившаяся ныне ситуация явилась результатом невнимания к важным протекшим явлениям, опыту исторических предшественников.

Глобальным апогеем этих социумных тенденций становится катастрофизм в «Размове... ..сусветаў». Несовершенство нравственного мироустройства реализуется в формах наукорассудочности, гипертрофии познавательности, ведет читателя к мысли об угрозе всеобщей деструкции, распаде *vita* до уровня атомов-звуков. В заключительных строках – к минимизации доброжелательности как важнейшей составляющей креативности. Этот лейтмотив вполне соотнобразуется с всеохватным принципом азбучного спеления произведений в цикл. Здесь алфавит предстает в иных, позитивных каннотациях: как выработанный веками универсальный набор средств (графических знаков, букв) в закрепленном порядке, позволяющий на письме перевыразить мироздание. Алфавит выступает жизнеорганизующим базисом, обретает свойства гаранта устойчивости от угрозы разложения ойкумены.

По отношению к плану идейного содержания «Размовы... ..сусветаў», полагаем, что условная сконструированность типичной конъюнктуры более всего (а не вербальная реализация) оказала влияние на возникновение пометы «экспериментальны верш».

Завершающая «Элегия беластоцкая» – в наибольшей степени лирическое из представленных произведений. Это развернутая в многосложных красках, звуках, тактильных ощущениях и эмоциональных настроениях картина роскошного увядания природы. Пора конца лета – перенасыщенность, избыточность жизни. Статичность в длительности без указания на истоки и перспективы, намек на исчерпанность или диалектику возрождения. Здесь господствует принятие и примирение даже с собственным уходом как с проявлением всеобъемлющей любви и тихой грусти – вечности. Стихотворение сохраняет то же движение мотивов, что и во всем цикле: последние строки – ударные и более всего сопрягаются с эмоциональным личностным миром и судьбой лирического героя.

Обращаем внимание на контрапункты: только начальное, как вступление в «тему», стихотворение имеет заголовок («Веравызнанне»), этим же признаком отмечена в качестве кульминации «Размова сусветаў» и заключительная «Элегия беластоцкая» – «развязка» прецедента. Элегичность как органайзер выстраивает в жанропослушный ряд пять пьес и заявляет о себе в непосредственном наименовании только «под занавес», подчеркивая тем референтность, близость к достоверной реальности панорамы, отраженной в цикле. Тяготение к воссозданию всеобъемлющей, тотальной минорности (поэтому стремление к приобщению подобных и выстраиванию цепочки, системы) изначально свойственны элегии. Важно, что многопечальность ее в классических образцах непременно была согрета любовью и теплом невысказанной надежды на лучшее, подтекстовым оптимизмом, чужда абсолютному отчаянию.

Для проверки наших гипотетических тезисов станем рассуждать от противного. Допустим иное построение изложения текстов. Например, условно примем авторской волей помен «Беластоцкая элегия», переместив его соответственно в начало, а завершим корпус «Размойай... ..сусветаў». Это привело бы к посвящению заключительного аккорда цикла широкому лейтмотиву экзистенциальной и невозвратной разложения социума, прогрессированию фобий, что совершенно не свойственно лирике Чиквина.

По результатам наших наблюдений приятно отметить и особую перспективность исследования У. Веринной. Фундаментально описанная ею система обновления жанров в русской поэзии последнего рубежа веков имела свои четкие выражения в белорусской литературе уже к 1970-м годам. Предпринятое сопоставление говорит и в пользу того, что актуализированная поэтическая реальность имеет самостоятельные истоки в классических образцах и строгих формах. Книга У. Веринной в приложении к литературному опыту Яна Чиквина непосредственно указывает на возможность и необходимость стать катализатором для процессов, направленных на комплексное рассмотрение отечественной поэзии в означенном ключе.

Ludmila Zaremba
Białoruski Uniwersytet Państwowy
Mińsk

<https://orcid.org/0000-0002-7605-7295>